

Как-то в начале мая я забирал Ника из школы, чтобы поехать на ужин к Нэнси с Доном. Когда он влез в машину, я почувствовал запах сигарет. Поначалу Ник все отрицал — говорил, что тусовался с ребятами, которые курят. Но под моим нажимом он сознался, что пару раз затянулся вместе с мальчишками, курившими за спортзалом. Я сделал ему выговор, и он пообещал, что больше этого не повторится.

На следующей неделе в пятницу после уроков он играл в футбол в саду с приятелем, к которому вечером должен был пойти в гости и остаться на ночь. Я собирал ему сумку и искал свитер в рюкзаке. Свитер я не нашел, зато обнаружил маленький пакетик марихуаны.

4

Когда я был маленьким, моя семья жила близ Уолден-Понда в Ленсингтоне, штат Массачусетс. Наш дом примыкал к ферме с яблоневыми деревьями, кукурузой, помидорами и поставленными друг на друга ульями. Мой отец был инженером-химиком. Как-то он увидел по телевизору рекламу, где людям с синуситом советовали переезжать в Аризону. Поскольку он страдал полинозом, он решил последовать этому совету. Он получил работу на заводе полупроводников в Финиксе. Мы погрузились в наш ярко-зеленый «студебеккер» и отправились на запад, останавливаясь на ночь в мотелях и перекусывая в сетевых ресторанах Denny's и Sambo's.

Мы остановились в Скоттсдейле и поселились в мотеле на время, пока строился наш типовой дом. Отец устроился в компанию «Моторола». Там он выращивал, разрезал и протравливал кремниевые пластины для транзисторов и микропроцессоров. Мама писала для газеты Scottsdale Daily Progress колонку о нашей школе и соседях — о победителях школьной ярмарки научных проектов и спортивных результатах «малой лиги».

Мы с друзьями часто вспоминаем о нашем детстве, когда все было по-другому. Наш мир был гораздо более невинным и безопасным. Мы с сестрой и братом, как и соседские дети, играли на улице до сумерек, пока матери не звали нас ужинать, — в «позвони в звонок и беги», в салочки, мальчишки гонялись за девчонками. Ужин перед телевизором, у каждого на складном подносе по порции жареной курицы, картофельного пюре с куском сливочного масла, яблочный кобблер. Мы смотрели сериал «Бонанца», «Удивительный мир Уолта Диснея» и «Агенты А. Н. К. Л.». Мы были скаутами-волчатами,

а девочки — скаутами-брауни. Мы устраивали барбекю, строили карты для картинга, готовили кексы в игрушечной печке сестры и катались на автомобильных камерах по рекам Солт и Верде.

Правда, я не уверен, вполне ли достоверны эти ностальгические воспоминания. Мы узнавали новости из разговоров наших матерей, которые они вели приглушенными голосами. Чарльз Мэнсон и распродажи с 50%-ной скидкой, причудливые диеты — это были излюбленные темы обсуждения на тротуаре перед домом, на вечеринках компании Туррегваре, на встречах для игры в маджонг и в салоне красоты, где моя мама мелировала волосы. Они шептались, когда повесился десятилетний ребенок из нашего квартала. Потом в автомобильной аварии погибла девочка, жившая через два дома от нас. Оказалось, что мальчик постарше, сидевший за рулем, был под кайфом.

Из-за близости Мексики наркотики водились в изобилии и стоили дешево. Однако география, по всей видимости, не играла особой роли. Ранее неизвестные или недоступные наркотики в богатом ассортименте наводнили нашу школу и окрестности так же, как и всю Америку, с середины 1960-х.

Наиболее популярной была марихуана. После уроков дети тусовались на стоянке для велосипедов, где предлагали один косячок за 50 центов и пакетики в одну унцию за 10 долларов. Дозу можно было купить в туалете и по пути в школу и из школы. Один из моих друзей попробовал покурить и потом рассказывал нам, как это было. Он сказал, что попросил марихуану у мальчика, о котором все знали, что он торчок, и выкурил косячок на заднем дворе дома, сильно кашлял, но ничего особенного не почувствовал, а потом зашел в дом и съел целую коробку печенья. Он начал курить практически каждый день.

Спустя год или чуть больше один парень из нашего квартала спросил меня, не хочу ли я выкурить косячок. Шел 1968 год, и я начал учиться в старшей школе. Ничего особенного я не ощутил, у меня не было никаких галлюцинаций, и я не попытался взлететь с крыши нашего дома, как дочка Арта Линклеттера, о которой говорили, что она перед этим наглоталась ЛСД. То есть я хочу сказать, что этот опыт показался неопасным, поэтому я не слишком долго сомневался, прежде чем его повторить, когда попал в дом к другому парню и его старший брат передал мне тлеющий косяк, скрепленный зажимом.

Конечно, прямо об этом не говорилось, но марихуана, с ее печатью запретности, служила пропуском в определенный круг общения. Попасть в него было для меня огромным облегчением после статуса одинокого «ботана» в младшей средней школе. Я чаще смеялся, мне

было веселее среди обкуренной и, соответственно, менее взыскательной публики. Это было своего рода лекарство от мучительной неуверенности, незащищенности. Я воспринимал все вокруг — музыку, природу — более восторженно и остро, не так робел в присутствии девчонок, а это огромный плюс для мальчишки четырнадцати-пятнадцати лет. Мир одновременно казался и затуманенным, и более ярким и живым. Но, возможно, даже не это было главным. Помимо постоянного давления сверстников и кайфа, помимо духа бунтарства, выражавшегося в том, чтобы забить косячок, помимо чувства товарищества и того, что марихуана помогала сглаживать присущие мне неловкость и неуверенность в себе... — помимо всего этого, марихуана помогала мне что-то почувствовать, когда внутри было пусто, и выключала эмоции, когда они захлестывали меня. Точно так же, как марихуана делала окружающее одновременно и размытым, и более ярким и отчетливым, она давала возможность испытывать более сильные чувства и одновременно приглушала эмоции.

Сейчас люди моего возраста часто говорят, что тогда наркотики были другими — не такая сильнодействующая марихуана и более чистые психоделики. Это верно. Тестирование марихуаны показало, что сейчас в средней дозе содержится в два раза больше ТГК, активного ингредиента, чем в той же траве десять лет назад, которая, в свою очередь, была более концентрированной, чем в 1960-е и 1970-е годы. Часто пишут о том, что психоделики и экстази смешивают или даже подменяют метамфетамином и другими наркотиками или примесями, хотя и в наше время мы слышали о ребятах, которые нюхали чистящее средство для канализации Drano вместо кокаина.

Однако кое-что действительно изменилось, и с этим не поспоришь. Многочисленные исследования однозначно доказывают, что употребление наркотиков, включая марихуану, влечет за собой кучу опасных физических и психологических последствий. Мы-то думали, что они безвредны. Оказывается, нет. Я знаю, что многие вспоминают старые добрые времена, ассоциируя их с употреблением «безвредных» наркотиков. Они выжили, обойдясь без существенных последствий, но многим избежать их не удалось. Были и несчастные случаи, и самоубийства, и передозировки. Меня поражает огромное количество жертв наркотиков родом из 1960-х и 1970-х, которые и сейчас бродят по улицам, многие из них стали бездомными. Некоторые разглазговывают о всякого рода заговорах. Очевидно, это черта, типичная для наркоманов и алкоголиков. «Когда его, бывало, развезет после

выпивки, он всегда принимался ругать правительство», — говорил Гек Финн о своем пьянице-отце.

Именно поэтому все детство Ника, начиная с семи-восьми лет, я постоянно говорил с ним о наркотиках. Мы разговаривали о них «с раннего возраста и часто», как предписывает организация «Партнерство во имя Америки, свободной от наркотиков». Я рассказывал ему о людях, которые так или иначе пострадали от этого пагубного пристрастия или даже погибли. Я рассказывал ему о своих ошибках. Я следил, не появились ли первые тревожные признаки подросткового алкоголизма и наркомании. (Пункт пятнадцатый в анкете одной организации: «Может быть, ваш ребенок внезапно изъявляет желание навести порядок после коктейльной вечеринки, но забывает о других домашних обязанностях?»)

Когда я был ребенком, родители умоляли меня держаться подальше от наркотиков. Я отмахивался, потому что они не понимали, о чем говорят. Они как были, так и сейчас остаются приверженцами трезвого образа жизни. Я же знал о наркотиках из первых рук. Так что когда я предостерегал Ника, то думал, что заслуживаю какого-то доверия.

Многие специалисты советуют родителям моего поколения не раскрывать правду о нашем собственном опыте употребления наркотиков. Причина в том, что это может иметь обратный эффект — как в случаях, когда известные спортсмены выступают в школах или на телевидении и рассказывают детям: «Парни, не употребляйте это дерьмо, лично я чуть не умер». И тем не менее вот они стоят здесь, в бриллиантах, золоте, с миллионными доходами и всенародной известностью. На словах — «я едва выжил». А реальный посыл такой: я выжил, добился успеха, и ты тоже сможешь. Дети видят, что их родители прекрасно устроили свою жизнь, несмотря на наркотики. Именно поэтому, может быть, мне стоило солгать Нику, но я этого не сделал. Он знал правду. В то же время наша близость придавала мне уверенность в том, что я наверняка сразу узнаю, если в его жизни появятся наркотики. Я наивно полагал, что, если Ник поддастся соблазну что-то попробовать, он обязательно расскажет об этом. Я ошибся.

Хотя на дворе был май, холодный и туманный день больше напоминал зиму, чем весну. В воздухе витал запах горящего дерева, оставшийся от костра, который жгли сегодня. В это время года солнце рано скрывается за горами и высокими тополями, поэтому в четыре часа во дворе уже было сумрачно. Туман вился вокруг ног мальчиков, гонявших мяч туда-сюда. Игра не клеилась. Похоже, они были больше

увлечены разговором — может быть, о девочках, или музыкальных группах, или о ранчери, застрелившем вчера бешеную собаку в Пойнт-Рейес-Стейшн.

Товарищем Ника по игре был мускулистый качок, демонстрировавший натренированную грудную клетку и бицепсы, обтянутые футболкой. Ник был одет в слишком просторный серый кардиган — мой, между прочим. Его волосы, свисавшие прядями, и весь облик уставшего от жизни апатичного человека любого могли навести на мысль о том, что в дальнейшем он непременно начнет курить, в лучшем случае марихуану. И все же, несмотря на его прикид, на перемены в настроении — усиливающуюся хандру и угрюмость — и на его новую тусовку, которую составляли грубые, флегматичные ребята из школы, когда я смотрел на своего сына, я видел юность и жизнерадостность, озорство и невинность. Еще совсем ребенок. Именно поэтому я был совершенно ошарашен при виде туго свернутых зеленых шишек марихуаны, которые оказались у меня в руках.

Карен сидела на диване в гостиной, склонившись над альбомом, и рисовала тушью. Джаспер спал рядом с ней на диване. Он лежал на спине, ручки сжаты в крошечные кулачки.

Я подошел к ней, и она подняла глаза.

Я показал ей марихуану.

— Что это? Где ты взял?.. — А затем: — Что? Ты нашел это у Ника?

Вопрос звучал скорее как утверждение. Она все поняла.

Как обычно, я подавил панику, стараясь не дать ей разволноваться.

— Все будет хорошо. Когда-нибудь это должно было случиться. Мы справимся.

Я позвал мальчиков. Они подошли. Ник держал в руках мяч и тяжело дышал.

— Мне нужно поговорить с вами.

Они посмотрели на марихуану на моей ладони.

— Ой, — произнес Ник. Он слегка напрягся и замер в ожидании, демонстрируя покорность. Мундог подошел к Нику, тычась носом в его ногу. Ник не из тех, кто стал бы отрицать очевидное. Он робко взглянул на меня широко распахнутыми испуганными глазами, пытаясь оценить, насколько серьезно он влип.

— Идите в дом.

Мы с Карен стояли перед мальчиками. Я смотрел на нее в поисках поддержки, но она была в таком же замешательстве, что и я. Меня потрясло не столько открытие, что Ник курит марихуану, сколько то, что я не имел об этом ни малейшего понятия.

— Как давно вы курите эту дрянь?

Загнанные в угол мальчишки обменялись взглядами.

— Мы в первый раз купили это, — сказал Ник. — А раньше пробовали один раз.

В голове вертелась мысль: верю ли я ему? Эта мысль о недоверии меня смущала. Никогда раньше я об этом не задумывался. Ну конечно, я ему верил. Он не стал бы врать мне. Или стал бы? Я знал родителей, чьи дети постоянно попадали в неприятности в школе и дома. И больше всего удручало то, что эти ситуации были связаны с обманом.

— Расскажи, как это случилось.

Я смотрел на товарища Ника, который не проронил ни слова. Тот не поднимал глаз. Ник ответил за обоих:

— Все это делают.

— Все?

— Почти все.

Ник не отрывал глаз от собственных пальцев, растопыренных на столе. Наконец он сжал их и засунул кулаки в карман.

— Где вы это достали?

— Просто у какого-то парня.

— У кого?

— Неважно.

— Нет, как раз это важно.

Они назвали имя мальчика.

— Мы просто хотели посмотреть, как это выглядит, — сказал Ник.

— Ну и как?

— Ничего особенного.

Приятель Ника спросил, буду ли я звонить его родителям. Когда я ответил утвердительно, он умолял не делать этого. «Извини, но они должны об этом знать. Я позвоню им и отвезу тебя домой».

Ник спросил:

— А как же ночевка?

Я сердито взглянул на него:

— Отвезем его домой, а потом мы с тобой поговорим.

Он все так же смотрел в пол.

Я позвонил родителям мальчика, и его отец поблагодарил меня за предупреждение. Он сказал, что встревожен, но не особенно удивлен. «Мы уже пережили это с нашими старшими детьми. Подозреваю, что все они проходят через это. Мы с ним поговорим». В его голосе слышалась обреченность, когда он добавил: «Мы столько работаем. Мы просто не в состоянии уследить за ним».

Когда я позвонил матери мальчика, продававшего марихуану, она впала в ярость и категорически отказалась признавать, что ее сын замешан в чем-то подобном. Она обвинила Ника и его приятеля в том, что они пытаются втянуть ее сына в неприятности.

Когда мы с Ником остались одни, всем своим видом он выразил раскаяние. Он кивнул, когда я сказал ему, что мы с Карен приняли решение ограничить его свободу передвижения: «Ладно, я понимаю».

Мы рассуждали так. Мы не хотим перегибать палку, но еще больше мы не хотим пускать все на самотек. Мы назначаем наказание, тем самым демонстрируя, насколько серьезно мы воспринимаем нарушение правил, принятых в нашей семье и в наших взаимоотношениях. Любые действия влекут за собой последствия, и мы надеемся, что наше решение вполне соответствует тяжести совершенного проступка. Вдобавок ко всему я с подозрением отношусь к его новому кругу друзей. Я понимаю, что не могу выбирать, с кем ему дружить, запреты могут только сделать эту дружбу более желанной, но по крайней мере я могу свести к минимуму время общения с ними. И еще. Я просто хочу понаблюдать за ним. Попытаться понять, что все-таки с ним происходит.

— И сколько будет продолжаться мое заточение?

— Посмотрим, как будут обстоять дела в ближайшую пару недель.

Мы сели на диваны друг напротив друга. Казалось, наказание действительно отрезвило Ника. Я спросил:

— Почему у тебя возникло желание попробовать травку? Не так давно сама идея что-то курить — даже сигареты, не говоря уж о марихуане, — вызывала у тебя отторжение. Вам с Томасом (я упомянул одного из его городских друзей) даже попадало за то, что вы выбирали сигареты его мамы.

— Не знаю.

Он взял красную ручку с кофейного столика и начал заштриховывать что-то на сегодняшней газете.

— Наверное, из любопытства.

Минуту спустя он произнес:

— В любом случае мне не понравилось. Это вызвало у меня какое-то ощущение... Не знаю. Странное, необычное.

Затем он добавил:

— Тебе не стоит беспокоиться. Я больше не стану пробовать.

— Как насчет других наркотиков? Пробовал еще что-нибудь?

Его недоуменный взгляд убедил меня в том, что он говорит правду.

— Я знаю, это было глупо, — сказал он, — но не совсем уж я дурак.

— А алкоголь? Ты случайно не начал выпивать?

Он некоторое время обдумывал ответ.

— Мы надрались. Один раз. Мы с Филиппом. Это было, когда мы ездили кататься на лыжах.

— На озеро Тахо?

Он кивнул.

Я припомнил те длинные выходные в середине зимы, перед рождением Джаспера. Мы разрешили Нику пригласить с собой Филиппа, его друга, который нам нравился, милого, легкого в общении мальчика маленького росточка, с волосами, падающими на лоб. Мы дружили с его родителями.

Мы приехали в горы вечером, прямо перед тем, как снежная буря отрезала все дороги. Утром сосны были обсыпаны снегом. Ник и раньше катался на лыжах, но на этот раз они с Филиппом решили попробовать себя в сноубординге. Будучи довольно опытным серфингистом, Ник думал, что переключиться будет нетрудно. «Вместо воды ты рассекаешь снег, — объяснял он. — И тут и там все дело в сохранении баланса и в силе тяжести». Может, оно и так, но большую часть времени он просто кувыркался по склону, пока наконец не разобрался, что к чему.

И теперь я спросил:

— Когда же вам удалось напиться? И где вы взяли спиртное?

Он сидел на диване, раскачиваясь взад-вперед.

— Однажды вечером вы с Карен пошли спать рано, — сказал он. — Мы сидели перед камином и смотрели телевизор. Потом нам стало скучно, мы решили поиграть в карты. Я пошел их искать и наткнулся на винный шкафчик. Мы взяли бокалы и налили всего понемногу, чтобы никто не заметил. Там были ром, бурбон, джин, sake, текила, вермут, виски, какая-то зеленая дрянь, крем из чего-то.

Он замолк, потом продолжил:

— Мы всё это выпили. Это было отвратительно, но нам хотелось посмотреть, что это такое — напиться в стельку.

Я помнил ту ночь. Мы с Карен проснулись, потому что услышали, как мальчишек рвет. Одновременно в двух ваннных комнатах внизу. Мы пошли посмотреть, что случилось. Их тошнило всю ночь. Мы подумали, что они подхватили грипп.

Утром мы позвонили матери Филиппа. «Да, везде сейчас ходит грипп», — согласилась с нами она. Ребята плохо себя чувствовали и на следующий день, во время долгой поездки домой из Сьерры.

Один раз мы не успели съехать на обочину, и Филиппа стошнило прямо через окно машины.

— Это был первый и последний раз. С тех пор я не прикасался к спиртному. Меня тошнит от одной мысли об этом.

Правдоподобность истории обезоруживала, но все равно она была как нож в спину. Меня в одинаковой степени возмущали и обман, и пьянка. И тем не менее я высоко ценил искренность Ника. Я подумал: «По крайней мере он говорит правду и признается в содеянном».

После короткого молчания он сказал:

— Если тебе будет легче, я ненавижу все это. Я не оправдываюсь, но...

И еще через минуту:

— Это трудно.

— Что трудно?

— Трудно. Не знаю. Все пьют. Все курят.

Я вспомнил его любимого Сэлинджера, слова Фрэнни: «Надоело, что у меня не хватает мужества стать просто никем».

В понедельник я позвонил учителю Ника и обо всем рассказал. Он пригласил меня и Карен встретиться после уроков. Оказавшись в пустой классной комнате, мы уселись за партами.

Учитель дал мне одну из папок с работами Ника — по математике, географии, литературе. Ник нарисовал на одной странице граффити шариковой ручкой: грудастая большеглазая девица, мужчины с ввалившимися глазами и угловатые инициалы. По стилю и содержанию эти рисунки резко контрастировали с выполненным мелом муралом, изображающим сцену из истории Средних веков, который занимал всю классную доску. На другой стене класса были прикреплены выразительные автопортреты учащихся. Я легко узнаю портрет Ника: рисунок сделан резкими штрихами и больше напоминал карикатуру, на нем — мальчик с безумной улыбкой и большими, широко распахнутыми глазами.

Учитель, с его редующими разлетающимися рыжими волосами и крючковатым носом, напоминал Икабода Крейна. Согнувшись на маленьком стуле, он листал папку Ника. «Он прекрасно справляется с учебой. Уверен, вы это знаете. Он лидер в классе. Он втягивает в работу других детей — тех, кто бы не стал проявлять активность, — ему удается увлечь их и пробудить желание внести свою лепту в общую дискуссию».

— А что насчет марихуаны? — спросила Карен.

Учитель, слишком громоздкий для ученического стула, на котором он с трудом уместился, оперся на локти, и было видно, что ему неудобно.

— Я заметил, что Ника притягивают ребята, которых все считают крутыми, — сказал он. — Они из тех, кто втихаря курит сигареты и — я могу только предполагать, — возможно, балуется травкой. С них станется. Но мне кажется, не стоит слишком беспокоиться. Это нормально. Большинство детей когда-то пробуют все это.

— Но, — говорю я, — Нику только двенадцать.

— Да, — вздохнул учитель. — Именно в этом возрасте они и начинают приобщаться. Мы мало что можем сделать. Эта сила, которая влечет их к наркотикам, нам неподвластна. Рано или поздно дети stalkиваются с ней. К сожалению, это происходит скорее рано, чем поздно.

Когда мы спросили совета, он ответил:

— Поговорите с ним. Я тоже с ним побеседую. Если вы не возражаете, мы обсудим это в классе. Не называя имен.

Может быть из чувства вины или покорности судьбе, он повторил:

— Мы мало что можем с этим сделать. Если будем действовать сообща — школа, семья, — тогда, возможно, что-то у нас получится.

— Не могли бы вы оградить его от общения с...? — я назвал имена мальчиков. — Похоже, они оказывают на него не самое хорошее влияние.

Листья на дереве за окном поблескивали под солнцем. Учитель обдумывал ответ на мой вопрос.

— Конечно, я постараюсь помочь в выборе более здорового круга друзей, — сказал он, — но я не уверен, что вы много добьетесь запретами. По своему прошлому опыту могу сказать, что, когда вы что-то запрещаете детям, обычно они все равно делают то, что им хочется, но делают это тайком. Лучше не заставлять, а направлять. Можете попробовать.

Он порекомендовал нам книгу о подростках и обещал держать нас в курсе.

На улице было прохладно и ветрено. На школьном дворе не осталось никого, кроме Ника. Он ждал нас, сидя на маленьких качелях на игровой площадке для дошкольников, подогнув под себя длинные ноги.

Оставшись одни в спальне, мы с Карен обсуждали сложившуюся ситуацию, пытаясь разобраться, что, собственно, нас так поразило и встревожило. Я знал, что употребление марихуаны может войти в привычку и Ника могут на время отстранить от посещения школы. Меня тревожило, что его может потянуть на другие наркотики. Я предупредил Ника об опасности марихуаны. «Это может привести и часто действительно приводит к употреблению тяжелых наркотиков». Он, вероятно, не поверил мне, так же как и я в юности не верил взрослым.

Но, несмотря на миф, сотворенный нашим поколением, оказавшимся первым, которое начало массово употреблять опасные вещества, марихуана действительно открывает дорогу к другим наркотикам. Почти все мои знакомые, которые курили травку в старшей школе, пробовали и другое. И наоборот, я не встречал ни одного человека, пристрастившегося к тяжелым наркотикам, который не начинал бы с травки.

Я начал перебирать все свои решения, принятые в прошлом, включая наш переезд в сельскую местность. Я никогда не питал иллюзий по поводу того, что любое американское предместье, пригородный поселок или провинциальный городок, в какой бы глуши они ни находились, могут бы защищены своей удаленностью от опасностей, которые чаще всего ассоциируются со старыми центральными районами крупных городов. Но мне казалось, что такой городок, как Инвернесс, должен быть более безопасен, чем, например, район Тендерлоин в центре Сан-Франциско. Теперь я не уверен в этом. Я задумался, стоило ли уезжать из Сан-Франциско. А может быть, нынешняя ситуация никак не связана с переездом. Это могло бы случиться везде, где бы мы ни жили.

Я винил себя за лицемерие. Мне стало противно. Как я мог ругать его за наркотики, если он знает, что я сам их употреблял? «Делай то, что я говорю, а не то, что я делаю». Я говорил ему, что я бы хотел никогда их не употреблять. Я рассказывал ему о своих друзьях, чью жизнь наркотики просто разрушили. И в то же время я не мог отделаться от мысли, что во всем виноват развод. Я убеждал себя, что у многих детей, переживших развод родителей, в жизни все сложилось хорошо, тогда как у многих детей из полных семей, с двумя биологическими родителями, — нет. Как бы то ни было, я ничего не мог поделать с разводом, который произошел давным-давно, хотя и считал его самым травматичным событием в жизни Ника.

Еще несколько дней я продолжал вести с Ником беседы о наркотиках, о влиянии сверстников, о том, что значит действительно быть крутым. «Может показаться, что это не так, но гораздо круче быть увлеченным делом, учиться и постоянно узнавать что-то новое, — объяснял я ему. — Оглядываясь назад, я прихожу к выводу, что самыми крутыми были те ребята, кто вообще не прикасался к наркотикам».

Я понимал, насколько неубедительно звучат мои речи, ведь в возрасте Ника я бы тоже ответил что-нибудь вроде: «Ладно-ладно, я все понял». И все-таки я пытался уверить его, что знаю, о чем говорю: вижу, что наркотики распространены повсеместно, а окружение постоянно давит и склоняет к их употреблению, что я понимаю, какой соблазн они представляют, особенно для подростков.

Мне казалось, что Ник слушает мои речи внимательно, хотя я и сомневался, откладывается ли что-то в его голове и каким образом. Более того, я чувствовал, что в наших близких и доверительных отношениях что-то нарушилось. Время от времени он вымещал на мне раздражение. Иногда мы ссорились по поводу небрежно выполненной домашней работы или недоделанных обязанностей по дому. Но все это не выходило за рамки вполне приемлемого и даже ожидаемого подросткового бунтарства, и именно это нас и обескураживало.

Три недели спустя я вез Ника к врачу на обычный медосмотр. Я снова и снова включал и выключал магнитоу в машине. Было ясно, что нет смысла поучать его, — он просто закроется, уйдет в себя, но я хотел, чтобы между нами не оставалось недомолвок. В разговорах, которые мы вели вот уже несколько недель, я использовал все известные мне приемы — от угроз до мольбы. Сегодня напряженность несколько спала. Я сообщил ему, что мы с Карен решили снять наложенное на него наказание. Он кивнул и сказал: «Спасибо».

Я продолжал наблюдать за ним еще несколько недель. Настроение Ника вроде бы стало не таким мрачным. Инцидент с марихуаной я отправил в архив как некое отклонение, помрачение ума — может быть, даже полезное, потому что он получил хороший урок.

Мне казалось, он его усвоил. Ник перешел в восьмой класс, и ситуация вроде бы улучшилась.

Он редко общался с мальчиком, который (я абсолютно уверен в этом) оказывал на него самое пагубное влияние — и который, по словам Ника, продал ему марихуану. (В данном случае я верил Нику, а не матери малолетнего наркоторговца.) Зато он проводил много времени, занимаясь серфингом с друзьями из Уэст-Марин. Выискивая лучшие места для этого, мы вместе колесили по побережью, «ловили волну» на пляжах от Санта-Круса до Пойнт-Арены. Во время этих вылазок у нас было много времени, чтобы поговорить, и Ник казался открытым и настроенным оптимистически. Он был мотивирован на учебу. Он старался получать высокие оценки — отчасти для того, чтобы увеличить шансы на поступление в одну из местных частных старших школ.

Сын продолжал читать запоем. Он перечитывал «Фрэнни и Зуи» и «Над пропастью во ржи». Он сделал доклад об «Убить пересмешника» в форме изложения записанных на автоответчик Аттикуса Финча сообщений для Скаута и Джема от Дилла и анонимных звонков с угрозами в адрес Аттикуса за то, что тот защищал Тома Робинсона. Он прочитал «Трамвай „Желание“», а затем записал на пленку радиointервью с Бланш Дюбуа. Для задания по пьесе «Смерть коммивояжера»

он нарисовал комикс, оплакивающий ценности семьи Ломан. Потом — биографический проект, для которого Ник надел белый парик, приклеил белые усы, оделся в белый костюм, вышел на сцену и рассказал с мелодичным южным акцентом историю жизни Сэмюэла Клеменса. «Мой писательский псевдоним — Марк Твен. Усаживайтесь поудобнее и слушайте мою историю». Не было заметно никаких признаков того, что он что-то курит — марихуану или сигареты. Он казался вполне счастливым и испытывал сдержанную радость по поводу приближающегося окончания восьмого класса.

Теплый, безветренный уик-энд. Нику тринадцать. Мы провели день дома, а теперь в предвкушении обещанного прогнозом погоды усиления южного ветра мы с ним закрепляем доски для серфинга на крыше нашего универсала и направляемся по извилистой дороге к пляжу к югу от Пойнт-Рейес. Мы выходим к линии прибой только через час ходьбы по заросшей травой тропе через песчаные дюны.

С досками под мышкой мы медленно шагаем к устью эстуария*, известному тем, что это место размножения больших белых акул. Мимо нас скачут кролики, а над нашими головами пролетает стая пеликанов, выстроившихся в виде буквы V. Солнце стоит низко. Кажется, что его лучи окрашены акварелью абрикосового оттенка. По мере того как сгущаются сумерки, туман, как жидкое тесто для блинов, заливает холмистые пастбищные земли, а оттуда наползает на бухту. Более благоприятных условий для серфинга и не придумаешь. Волны высотой шесть-восемь футов накатывают на берег, разбиваются, образуя длинные шелковистые нити. Мы быстро переодеваемся в гидрокостюмы, галопом несемся в воду и запрыгиваем на доски. Заходящее солнце проецирует потрясающую картину из рубиново-красных полос, вытянувшихся вдоль западной линии горизонта. С противоположной стороны низко висит полная желтая луна. В воде мелькают еще двое серфингистов, но они вскоре уходят, и место остается в полном нашем распоряжении. Серфинг удался как нельзя лучше.

Когда мы гребем, не слышно никаких других звуков, кроме плавного «ш-ш-ш» доски, рассекающей воду, а затем через равные интервалы — грохот разбивающейся о берег волны. Мы седлаем одну волну, выплываем, седлаем вторую. Я поднимаю глаза и вижу, как Ник низко пригнулся на своей доске, а обрушивающаяся водопадом волна охватывает его со всех сторон.

* Эстуарий — воронкообразное устье реки, расширяющееся в сторону моря. *Прим. ред.*

Темнеет. Туман скрывает луну и обволакивает нас. До меня доходит, что мы с Ником попали в два разных течения, которые относят нас к противоположным сторонам пролива. Нас разделяет сотня ярдов. Я начинаю паниковать, так как сгущающийся туман и темнота не дают нам хорошо видеть друг друга.

Я слепо гребу в направлении Ника, отчаянно стараясь отыскать его глазами, пока мои руки не ослабевают от борьбы с течением. Наконец после, как мне показалось, получаса безостановочной работы руками я вижу его сквозь разрыв в завесе тумана. Высокий и прекрасный, Ник стоит на доске цвета слоновой кости и разрезает, поднимаясь и опускаясь, сверкающую прозрачную водяную стену, белые брызги вспыхивают по краям его доски, на лице ослепительная улыбка. Заметив меня, он машет мне рукой.

Обессиленные, голодные, обожженные ветром и промокшие насквозь после длительного плавания, мы сдираем с себя гидрокостюмы, надеваем рюкзаки и идем обратно к машине.

По дороге домой мы заезжаем в такерию. Мы едим бурритос размером с откормленного поросенка и потягиваем газировку с лаймом. Ник пребывает в задумчивом настроении, он говорит о будущем — о поступлении в старшую школу.

— Я до сих пор не могу поверить, что поступил, — говорит он.

Не знаю, видел ли я его когда-нибудь таким взволнованным и радостным, как после ознакомительного визита в эту школу.

— Все кажутся такими... — он помолчал, подбирая нужное слово, — увлеченными. Всем. Искусством, музыкой, историей, писательским мастерством, журналистикой, политикой. А учителя...

Он снова замолчал, чтобы перевести дыхание.

— ...учителя потрясающие. Я сидел на уроке поэзии. Мне не хотелось уходить, — и затем, уже спокойнее, сказал: — Я никогда не попаду туда.

Действительно, конкурс в школу был внушительный.

И все-таки он поступил и теперь в минуты эйфории заявляет: «Кажется, все идет просто отлично».

* * *

Торжественная церемония по случаю окончания средней школы была запланирована на начало июня.

Арендвано помещение церкви, родителей мобилизовали, чтобы расставить стулья, установить подиум, украсить зал и организовать столы с закусками и прохладительными напитками. В день мероприятия я пришел рано, чтобы помочь в приготовлениях.

Часа через два прибыли учителя и родные и расселись на поставленные рядами складные стулья. Потом пришли выпускники. Они выглядели несколько неловко в своих парадных одеждах. На многих девочках были новые или позаимствованные у кого-то наряды. Большинство едва передвигали ноги в туфлях на высоких каблуках, покачиваясь, как будто они уже навеселе. Мальчики смотрелись мрачно в тугих воротничках, теребили галстуки и сердито одергивали нижний край рубашек, которые каким-то образом так и норовили вылезти из брюк.

Пусть костюмы детей являли собой жалкое зрелище, зато их приподнятое настроение вполне соответствовало событию. Так же как и их благопристойное поведение. Директор школы поочередно называл имена выпускников. Одни из них уверенно, другие не очень преодолевали несколько ступенек лестницы, поднимались на низкий подиум и получали диплом. Одноклассники шумно их приветствовали. В этот и только в этот день они болели друг за друга с безудержным и великодушным энтузиазмом. За каждую девочку и каждого мальчика. В другое время они так же энергично орали бы и улюлюкали. А сейчас аплодировали и ботаникам, и хитрецам, и слабакам, и королевам красоты, и бандюкам, и скромникам, и качкам, и хиппарям, и изгоям.

Я никогда не ожидал, что меня так тронет выпускной восьмиклассников, но факт остается фактом. Мы хорошо узнали этих детей за три года, когда поочередно возили их в школу, из школы и на разные экскурсии, когда принимали их у нас дома во время всевозможных вечеринок, когда приходили слушать их выступления, смотреть театральные постановки, музыкальные декламации и спортивные соревнования, когда общались с их родителями, выражая сочувствие друг другу, и когда узнавали друг от друга, но чаще всего от Ника, об их успехах, критических ситуациях, провалах и обидах. Мимо нас проходили мальчики и девочки, все еще дети, но уже осторожно пытающиеся войти в бурный океан взрослой жизни. Мальчик, чья мать отрицала, что ее сын продал Нику марихуану. Мальчик, с которым они напились. Товарищ по занятиям серфингом. Безбашенные скейтбордисты. Девочка, с которой Ник, бывало, разговаривал весь вечер по телефону, пока я не заставлял его повесить трубку. Дети, которых мы возили в школу по очереди. Все эти дети, нескладные и нерешительные, с дипломами в дрожащих руках нетвердой походкой спускались с подиума. Теперь они, выпускники средней школы, отправляются прямо в змеиное гнездо старшей.

Выходные после выпускного. Знойный июньский полдень. Несколько семей собрались на пляже Хартс-Дезайр. В бухте тихо. Мы едим то, что захватили с собой: чипсы и сальсу, зажаренного целиком лосося, гамбургеры, приготовленные на гриле, и запиваем минералкой. Вода в бухте теплая и мерцает на солнце. Дети плавают, гребут на каяках и каноэ, которые непременно время от времени переворачиваются. Выйдя на берег, друзья Ника, в спортивных рубашках, с еще мокрыми волосами, возбужденно обсуждают планы на лето — отдых и развлечения на пляже, в лагерях, но Ник в этом не участвует. Ему всегда трудно дается отъезд и расставание с нами, и со временем легче не становится.

Наползает туман, и общество начинает разъезжаться. Дома мы усаживаемся у камина, и Ник зачитывает записи своих друзей в выпускном альбоме. «У тебя будет миллион девушек в старшей школе». «Веселого тебе серфинга». «В следующем году я не буду здесь жить, поэтому, возможно, увижу тебя, скажем, лет через десять. Будь на связи». «Я люблю тебя, смешной зайчонок. Я люблю тебя с первого дня знакомства». «Я жду не дождусь, когда увижу новорожденного ребеночка, как бы ни назвали малыша. Надеюсь, Джасперу она понравится». «Удачи в старшей школе и с маленькой новорожденной засранкой». «Я не очень хорошо знал тебя, но хочу, чтобы ты весело провел лето». «Повеселись в это лето, ты, придурок. Шучу». «Когда-нибудь посвяти мне книгу. Я скажу тебе спасибо, когда получу „Оскара“. Пока...». Его учитель написал: «Где бы ты ни был, везде и всегда доискивайся до истины, стремись к прекрасному, делай хорошие дела».

Начинается еще одно лето нашей жизни — и горькое, и радостное, потому что Ник уезжает в Лос-Анджелес, хотя и договорился с Вики подождать до рождения нашего ребенка.

Утром 7 июня Карен, Ник, Джаспер и я сели в машину. С ребенком что-то неладно, поэтому будут делать кесарево сечение. Карен выбрала для родов день рождения своей матери. Прием у врача назначен на шесть. Сестра Карен дала нам кассету с успокаивающей музыкой Энии, но Карен попросила поставить Nirvana. Она включила песню Nevermind на полную громкость.

*Я должен найти свой путь,
Лучший путь.
Я лучше подожду,
Я лучше подожду.*

Проехав через лес, я остановил машину у дома Нэнси и Дона, чтобы оставить у них Ника и Джаспера. Вместе с бабушкой и дедушкой они будут ждать звонка из больницы.

Наша дочь появилась на свет в семь утра. У нее черные курчавые волосы и ясные глаза. Мы дали ей имя Маргарита, но зовем Дэйзи (маргаритка).

Нэнси приехала в больницу с Ником и Джаспером. Их проводили в комнату с приглушенным освещением, где находились Карен с Дэйзи. Медсестра спросила Нэнси и Ника, не хотят ли они искупать малышку в первый раз в ее жизни. Джаспер сидел рядом с Карен, а Нэнси с Ником под руководством медсестры повезли Дэйзи в коляске в детское отделение, где они помогли взвесить, искупать и одеть ее в мягкую белую ночную рубашку с розовыми слониками и ботиночки кукольного размера. Оказалось, что она весит восемь фунтов, рост двадцать один дюйм. Пристально глядя на малышку, Ник сказал Нэнси: «Я никогда не думал, что у меня будет такая вот семья».

На следующий день мы вернулись домой. На заднем сиденье рядом с Ником были установлены два новых детских кресла.

Утром я встал рано и обнаружил мальчиков в пижамах на диване, у обоих в руках были чашки горячего шоколада. Ник читал книжку «Лягушки и жабы — друзья». Джаспер жался к нему. В камине горел слабый огонь. Ник закрыл книжку и встал, чтобы приготовить завтрак для всех. Стоя у плиты, он пел, подражая рыку Тома Уэйтса: «Ну вот, яйца гоняются за беконом по всей сковороде».

Мы позавтракали, а потом пошли с мальчишками гулять на ближний пляж. На обратном пути мы сделали остановку, чтобы собрать ежевики для пирога. Дело затянулось, так как Ник с Джаспером, с синими пальцами и синим ртом, клали одну ягоду в корзину, а дюжину отправляли в рот.

Дома, после раннего обеда и пирога, Ник с Джаспером играли на лужайке. Как лыенок, Джаспер взбирался на голову Нику, и они скакали на большом красном мяче. Карен держала на руках Дэйзи, которая осматривалась вокруг широко открытыми глазами. Брут неуклюже, как сонный медведь, повалился на траву и растянулся рядом с детьми. С Джаспером, вцепившимся в его шею, Ник перевернулся и, обхватив морду пса и глядя ему в глаза, запел: «Подари мне поцелуй, и я выстрою на нем мечту». Он смачно поцеловал Брута в нос. Тот зевнул, Ник весело подбросил Джаспера в воздух, а Дэйзи тем временем тихо заснула.

Я смотрел на эту троицу и вспоминал то невероятное чувство, которое я испытал в первый раз, когда родился Ник. Вместе с радостью

отцовства с рождением каждого ребенка приходит пронзительное чувство уязвимости. Оно одновременно и возвышает тебя, и пугает.

Несколько дней назад я прочел в газете о взрыве школьного автобуса в Израиле, узнал новые подробности о семьях, чьи дети погибли больше года назад при взрыве бомбы в Оклахома-Сити; прочитал о детях, убитых случайными пулями в лагере беженцев в Боснии, и о том, как в Китае человек, осужденный за вооруженное ограбление, по пути на виселицу прокричал своему брату: «Позаботься о моем сыне». Я ощутил боль и страдание совсем иного свойства. Может быть, родители переживают за любого ребенка, не только своего. Может быть, мы начинаем переживать за них еще сильнее, чем это казалось возможным. Когда я смотрел на своих троих детей, освещенных рассеянным золотистым светом, пробивающимся сквозь листья тополя, меня переполняла уверенность в том, что в эти мгновения они в безопасности и счастливы, и это в итоге все, чего хотим мы, родители. Если бы только так было всегда: дети рядом, им хорошо вместе, они счастливы и спокойны.

5

— Твой муж-псих мучает моего маленького братишку.

Ник стоял рядом со мной подбоченившись и обратился с этими словами к Карен, только что вошедшей в комнату. Это было дождливое утро в день его отъезда в Лос-Анджелес. Я пытался расчесать спутавшийся клок волос на голове Джаспера, и он визжал, как будто я вырывал у него ногти плоскогубцами. Ник, завернутый после душа в голубое полотенце, накинул оранжевую парку, влез в большие зеленые садовые сапоги, стоявшие у входной двери, и нацепил на нос детские маскарадные водительские очки. После чего начал размахивать деревянной ложкой.

— Отпусти этого плутишку, — сказал он мне. Повернулся к Джасперу со словами: — О, в какое бедственное положение ты попал, мой любимый брат. О, какая несправедливость. Какая жестокость!

Держа ложку как микрофон, он запел: «Моя доблестная команда, доброе утро» из комической оперы «Корабль Ее Величества „Пинафор“», отвлекая Джаспера, что дало мне возможность наконец его причесать.

Ник уже уложил свои вещи и теперь прощался с нами. Обменялся с Джаспером их тайным рукопожатием. Это довольно сложный ритуал: обычное рукопожатие, потом кулак Ника опускается на кулак Джаспера, затем наоборот, еще одно крепкое рукопожатие, потом